

Елена

ГЕШЕЛИНА

*
отстучи мне письмо морзянкой,
все слова превратились в пыль,
речь назойлива, как шарманка,
кисло-сладок высокий штиль.

мы в каком-то угаре, запале
растранжирили все слова,
место в мире – только для Брайля,
пара точек: «Люблю. Жива».

мы отравлены злыми словами,
мы больны, но это – пустяк.
небо выше, земля под нами,
всё как встарь, но что-то не так.

*
не уходи, оставайся там,
лучше уйдём мы:
от нового года к старым годам
по белизне зимы.
оставь себе колокольцев звон,
шум предрождественской суеты,
мы только музыку заберём,
чтоб не сбрендить от немоты.
один и тот же диск крутить,
один и тот же трек:

в тишине тяжело пережить
чёртов железный век.

*
пока ты не станешь железом,
пока я не стану огнём,
закроем глаза – и исчезнут
все страхи, когда мы уснём.
у памяти есть горизонты,
к которым день первый прилип:
прогулка на линии фронта,
захватанный дагерротип.
скажи, почему наша гибель
затаскана тысячей слов –
как розовость девичьих платьев,
как рифма «любовь» и «кровь»?
проснёмся в каком-то музее
под пыльную темноту,
под едкий взгляд ротозея,
с химическим вкусом во рту.
о том, как лечиться от смерти,
мы знаем с тобой сполна
(здесь просится рифма «сердце»,
хотя она не нужна).
мы крепче и горячее
в обещанной той, другой –
в сердечном своём музее,
с одной на двоих виной.

*

телевизор выключи, надоели,
на каком койне говорят, неясно,
слушай хрипы сухие виолончели.
два часа, two a.m., фонари погасли.
травы спят в лугах, спит

вода в озёрах,

спит морская соль, дремлет

хлорка в кране.

засыпай и ты, не до разговоров,

я теперь просыпаюсь рано.

засыпай, и пусть тебе снится воздух,

потому что воздуха не хватает.

вот уже горизонт синевато-розов,

ночь проговорили, светает.

засыпай, хоть на пару часов,

в самом деле,

в тишину забирайся как в панцирь,

и почувствуй, как стало легче телу:

грамм на двадцать.

*

карта мира внутри меня

не боится сошествия

благодатного огня

не страшится большой воды

я сжал своими руками все

эти сады

все эти горы каналы я ставил сам

говорил только с ветром

пел только небесам

я бежал из рая словно с войны

не знал из какой я страны

на каком языке говорил и пел

объяснялся с тобой как умел

не нуждаюсь в адресе и стране

карта мира шелестит во мне.

*

глухой октябрь, каменный ковчег,
душа моя стремится на ночлег.

туда, где держат пальцы над огнём,
где греют тело чаем и вином,

я ночи жду, я жизнь держу в горсти,
душа в висках стучится: отпусти.

терпи, терпи: не ровен час – и край:
твоё «живи», моё «не умирай».

*

живём в silentium'e, в не-
моте бетонных стен,
как будто будущего нет
и нам замены нет.

как будто год прошёл вчера
и снег прошёл вчера,
и чудится в бреду: жара,
печёт уже с утра.

и кто-то изменил маршрут
из дома и домой.
все города и люди врут,
я не вернусь живой.

все ждут тебя – Рязань и Тверь,
Самара с Костромой.
зима рифмуется не зря
с сумой, тюрьмой, чумой.